

УДК 342 (075.8)

КОНСТИТУЦИОННОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ПЛЮРАЛИЗМА НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

© 2012 г.

И.В. Немкевич

Гомельский госуниверситет им. Ф. Скорины

jurfac@gsu.by

Поступила в редакцию 05.12.2011

Восемь из одиннадцати государств СНГ включают принцип идеологического плюрализма в число основ конституционного строя. Этот принцип представляется специфической особенностью конституций государств в условиях демократической трансформации. Он исключает закрепление в законодательстве демократического государства обязательной (государственной) идеологии.

Ключевые слова: конституция, идеологический плюрализм (многообразие), идеология, свобода мысли, свобода слова, юридические гарантии, конституционные ограничения, конституционное закрепление.

Развитое общество сильно разномыслием. В результате интеграции различных взглядов, подходов и идей формируются общественное мнение, мораль, нравственность, а также воззрения, называемые идеологией. Обычно определяемая как система юридических, политических, экономических, этических, экологических, художественных, а также религиозных идей, воззрений, понятий, связанная прямо или косвенно с практической жизнедеятельностью людей и ее оценкой, идеология направлена на сохранение или изменение теми или иными способами общественного и государственного строя.

Многообразие в сфере идеологии означает право каждого человека, группы людей, их объединений свободно развивать свои воззрения и научные теории идеологического характера; пропагандировать свои взгляды, распространять и защищать их с помощью всех существующих технических средств; работать над практическим осуществлением своих идей путем разработки программных документов, законопроектов, представления их на рассмотрение общественных и государственных органов, участия в реализации уже принятых этими органами предложений и др. Оно является естественным отражением объективно существующего в обществе многообразия интересов, взглядов, позиций. Странники той или иной идеологии могут считать свое учение наиболее верным. Однако объективную оценку такой идеологии способна обеспечить только историческая практика. Установление господства одной идеологии вне зависимости от ее содержания неизбежно ведет к застою, к недооценке ее недостатков и переоценке ее достижений и в конечном итоге

превращает такую моноидеологию в тормоз общественного прогресса. Поэтому обществу необходимо многообразие идеологических взглядов. Господство же одной идеологии и подавление всех остальных свойственно авторитарным и диктаторским политическим режимам и несовместимы с идеями справедливого общества, демократического и правового государства.

Еще на заре конституционализма американские «отцы-основатели» (Д. Мэдисон, А. Гамильтон и др.) предупреждали о том, что без защиты свободы взглядов и прав меньшинства демократический порядок может привести к «тирании большинства». Поэтому первой же поправкой к первой конституции явилась следующая норма Билля о правах: «Конгресс не должен издавать законов, устанавливающих какую-либо религию или запрещающих ее свободное вероисповедание, либо ограничивающих свободу слова или печати или право народа мирно собираться и обращаться к Правительству с петициями об удовлетворении жалоб».

В XX столетии гипотетическая угроза тоталитаризма реализовалась в практике идеологизированных политических режимов российских большевиков (а затем и коммунистических режимов в ряде других регионов планеты), итальянских фашистов и немецких нацистов. Крах этих режимов закономерно и кардинально отразился в конституционном процессе соответствующих государств. Его особенности на постсоветском пространстве стали объектом изучения, а анализ закрепления принципа идеологического многообразия в конституциях этого политического региона является предметом данной статьи.

Действующие конституции [1] подавляющего большинства государств содержат комплекс «предохранителей» от сползания общества в трясину опасного единомыслия: гарантированные свободы – взглядов, слова, печати; запрет цензуры; конституционные основы деятельности политических партий и иных ассоциаций и некоторые другие. Болезненный опыт прошлого обусловил дополнение этого комплекса закреплением в ряде государств идеологического многообразия (плюрализма) в качестве принципа конституционного строя.

Даже в государствах Западной и Северной Европы такое дополнение не выглядит юридической чрезмерностью. Так, принятый в Швеции в 1974 году конституционный акт «Форма правления» среди основ государственного строя провозглашал: «Правление шведского народа основывается на свободном формировании мнений и на всеобщем и равном избирательном праве» (глава 1, параграф 1). В изложение основных свобод и прав данный акт включил следующие нормы: «Каждый гражданин в своих отношениях с обществом должен быть защищен от принуждения раскрывать свои взгляды в политической, религиозной, культурной и иных сходных сферах. Кроме того, в своих отношениях с обществом он должен быть защищен от принуждения участвовать в собраниях или демонстрациях в целях формирования мнения или в целях выражения иных мнений либо защищен от принуждения принадлежать к политическому объединению, религиозному обществу или иному объединению, основанному на взглядах, которые имеются в виду в первом предложении» (глава 2, параграф 2). Прощаясь с наследием политического режима Салазара, Конституция Португальской Республики вписала «многообразие демократических мнений» в число основных принципов демократического правового государства (статья 2). В декабре 1978 года испанский народ одобрил на референдуме конституцию, которая впервые в Европе оформляла успешный мирный переход от авторитарного режима к демократическому государственному устройству. Не ограничиваясь закреплением политического плюрализма в качестве высшей ценности (статья 1) и принципа (статья 6), испанская конституция гарантировала индивидам и их сообществам «свободу идеологии» (статья 16). Но особо актуальной задачей преодоления идеологического монополизма была для обществ, осуществляющих переход от советско-коммунистической модели к демократической правовой государственности. Данный тезис нашел отражение в конституционной истории государств, входивших ранее в состав Советского Союза и так называемого социалистического лагеря.

В январе 1991 года Федеральное собрание тогда еще союзной Чехословакии приняло конституционный акт «Хартия основных прав и свобод», позже целиком включенный в конституцию Чехии 1992 г. и имплементированный в конституции Словакии 1992 г. Статья 2 этого акта гласила, что основанное на демократических ценностях государство «не может быть связано ни исключительной идеологией, ни вероисповеданием». Одной из первых конституций, в которых ставилась задача юридического размежевания государства и идеологии, была Конституция Республики Болгария, вступившая в силу в июле 1991 г. Закрепляя принцип политического плюрализма, статья 11 этой конституции определяла: «Ни одна политическая партия или идеология не может провозглашаться или утверждаться в качестве государственной». Конституции других государств Европы, входивших прежде в состав социалистического лагеря, хотя и не упоминают специально рассматриваемый принцип, содержат общепринятые гарантии свободы взглядов, мнений и слова.

В условиях монопольного господства коммунистической партии конституции Советского Союза и союзных республик, а тем более партийно-государственная практика не допускали плюрализма в области идеологии. В преамбуле Конституции (Основного Закона) БССР 1978 г., например, утверждалось, что народ БССР принял эту конституцию, «руководствуясь идеями научного коммунизма» [2, с. 4]. Статья 6 закрепляла политическую монополию КПСС, вооруженной «марксистско-ленинским учением» [2, с. 6]. В ряде других статей Основного Закона говорилось о том, что трудовые коллективы воспитывают своих членов «в духе коммунистической нравственности» [2, с. 7], что единая система народного образования «служит коммунистическому воспитанию» [2, с. 12], а реализация политических прав увязывалась с целями коммунистического строительства. Такое сращивание коммунистической идеологии с государственной бюрократией привело к многочисленным издержкам режима «социалистической демократии» и в конечном итоге – к краху советского государственно-политического строя и социалистического федерализма.

Установление фактического и юридического многообразия идеологий на постсоветском пространстве явилось одним из важнейших демократических достижений девяностых годов прошлого века. С 1991 года в результате развала Советского Союза новые конституции обрели 15 суверенных государств (без учета республик, входящих в их состав), два частично признанных государства (Республика Абхазия,

Южная Осетия) и одно непризнанное (Приднестровская Молдавская Республика). Большинство из них – девять (или восемь из одиннадцати государств-членов или государств-участников СНГ) включили принцип идеологического плюрализма в число принципов (или основ) своего конституционного строя. Так, еще в декабре 1991 года (то есть до принятия новой конституции России, за конституционным реформированием которой с понятным вниманием пристально следили в других государствах СНГ) была принята Конституция Республики Узбекистан, в числе основных принципов которой провозглашалось: «В Республике Узбекистан общественная жизнь развивается на основе многообразия политических институтов, идеологий и мнений» (статья 12). В той же формулировке норма была воспроизведена и в Конституции Республики Каракалпакстан (апрель 1993 г.). Близкой к ней была и формулировка, включенная в конституцию суверенной Беларуси: «Демократия в Республике Беларусь осуществляется на основе многообразия политических институтов, идеологий и мнений» (статья 4). Заметим, что в первой редакции конституции суверенной Армении (1995 г.) не содержалось упоминания идеологического многообразия, в новой же ее редакции (2005 г.) статья 7 следующим образом формулирует одну из основ конституционного строя: «В Республике Армения признаются идеологический плюрализм и многопартийность». Для обозначения рассматриваемого принципа также были использованы термины «идеологическое многообразие» (РФ, Казахстан, Украина), «демократическое многообразие мнений» (Приднестровская Молдавская Республика).

Если конституции Армении и Казахстана ограничиваются признанием интересующего нас принципа, конституции других перечисленных государств СНГ еще и дополняют данную уставную норму следующим конституционным запретом:

– «Идеология политических партий, религиозных или иных общественных объединений, социальных групп не может устанавливаться в качестве обязательной для граждан» (Конституция Республики Беларусь, статья 4);

– «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве официальной государственной идеологии» (Конституция Республики Молдова, статья 5);

– «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» (Конституция Российской Федерации, статья 13);

– «Ни одна идеология, в том числе религиозная, не может устанавливаться в качестве государственной» (Конституция Республики Таджикистан 1994 г., статья 8);

– «Идеология ни одной партии, общественного объединения, религиозной организации, движения или группы не может быть признана как государственная» (Конституция Республики Таджикистан с изменениями и дополнениями 1999 г. и 2003 г., статья 8);

– «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной» (Конституция Республики Узбекистан, статья 12);

– «Никакая идеология не может признаваться государством как обязательная» (Конституция Украины, статья 15).

Закрепив идеологический плюрализм в числе основ конституционного строя, действующие на постсоветском пространстве конституции обеспечили право человека, каждой национальной, классовой, профессиональной, религиозной или иной социальной группы, каждой общественной организации иметь собственные взгляды на социальную реальность. Идеологическое многообразие понимается как право отдельной личности, социальных групп, политических партий и общественных объединений:

1) беспрепятственно разрабатывать теории, взгляды, идеи относительно экономического, политического, правового и иного устройства своей страны, зарубежных государств и мировой цивилизации в целом;

2) пропагандировать свои взгляды, идеи с помощью средств массовой информации: прессы, радио, телевидения, а также путем издания печатных работ;

3) вести активную деятельность по внедрению идеологии в практическую сферу: разрабатывать программные документы партий, готовить законопроекты или иные документы, предусматривающие меры по совершенствованию социального и политического строя;

4) публично защищать свои идеологические воззрения, вести активную полемику с иными идеологиями; требовать устранения препятствий, связанных с реализацией права на идеологическое многообразие (в том числе и с помощью суда).

В практическом ключе идеологическое многообразие реализуется через такие субъективные права, как свобода мысли и слова (см., например, статью 33 Конституции Республики Беларусь или статью 29 Конституции РФ), совести (статья 28 Конституции РФ или статья 35 Конституции Украины), право на свободу объединений (статья 41 Конституции Молдовы или статья 30 Конституции РФ), творчества (статья

23 Конституции Грузии или статья 51 Конституции Республики Беларусь). В качестве юридических гарантий присутствия в обществе жизненно необходимого разномыслия выступают конституционные запреты цензуры (данный запрет прописан в конституциях 12 государств из 18 рассматриваемых) и монополизации средств массовой информации и печати (Конституция Республики Беларусь, статья 33; Конституция Грузии, статья 24; Конституция Литовской Республики, статья 44).

Принцип идеологического плюрализма предполагает формальное равенство всех идеологий и их организационных форм. Однако даже самое свободное демократическое государство должно защищать себя от идеологий антидемократических, человеконенавистнических. Свобода придерживаться любого мнения не означает свободу навязывать это мнение другим принудительно или публично выражать такое мнение, которое отвергает саму правовую свободу. Международное сообщество в интересах сохранения мира, безопасности, культуры выработало особые ограничения в пользовании свободой выражения мнений. Они предусмотрены статьей 29 Всеобщей декларации прав человека, статьей 19 Международного пакта о гражданских и политических правах, другими международными документами. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, ратифицированная рядом государств на постсоветском пространстве, в статье 10 (часть 2) приводит наиболее подробный перечень мотивов ограничения свободы выражения мнений и свободы информации: «Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с формальностями, условиями, ограничениями или штрафными санкциями, которые установлены законом и которые необходимы в демократическом обществе в интересах государственной безопасности, территориальной целостности или общественного спокойствия, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия» [3, с. 764]. Все названные конституции, гарантируя свободу идеологий и взглядов, поэтому определяют пределы идеологического плюрализма и предусматривают исключения для тоталитарных идеологий, несовместимых со свободой, отрицающих права человека.

О таких ограничениях говорится, например, во второй части статьи 29 российской Конституции: «Не допускается пропаганда или агита-

ция, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства». Эти запреты корреспондируют положению части 5 статьи 13 данной Конституции, в которой запрещается создание и деятельность общественных объединений, цели и действия которых направлены на разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни. Аналогичное ограничение предусмотрено Конституцией Республики Беларусь, содержащей запрет на создание и деятельность политических партий и общественных объединений, «ведущих пропаганду войны, национальной, религиозной и расовой вражды» (статья 5). Развернутую формулировку пределов свободы мнений, взглядов и слова предлагает Конституция Республики Казахстан: «Не допускается пропаганда или агитация насильственного изменения конституционного строя, нарушения целостности Республики, подрыва безопасности государства, войны, социального, расового, национального, религиозного, сословного и родового превосходства, а также культура жестокости и насилия» (статья 20, часть 3).

Следует заметить при этом, что конституционные ограничения касаются лишь публичного выражения (пропаганды и агитации) взглядов, не совместимых с общечеловеческими ценностями. Убеждения же и взгляды граждан свободны; никто не должен быть подвергнут каким бы то ни было преследованиям, ограничениям прав за свои убеждения, каковы бы они ни были. Согласно статье 33 Конституции Республики Беларусь, части 2 статьи 29 Конституции РФ никто не может быть принужден к выражению своих взглядов и убеждений или отказу от них. Наказуемы должны быть только действия, прямо запрещенные законом.

Печальный опыт господства коммунистической моноидеологии обусловил стремление создателей новых конституций юридически размежевать государство и идеологию, провести «департизацию» государства. Запрет установления государственной идеологии, предусмотренный в конституциях Молдовы, России, Таджикистана и Узбекистана, означает, что ни Конституция, ни законодательный или иной правовой акт не должны прямо или косвенно утверждать и закреплять какую-либо идеологию. Ни одна из них не может иметь приоритета перед другими, который бы закреплялся официально государством с помощью закона или иным способом. Граждане же вправе придерживаться той или иной идеологии, но их выбор должен быть добровольным и самостоятель-

ным. Государство не может навязывать гражданам идеологию, которую они обязаны разделять, изучать и пропагандировать под страхом наказания. В Беларуси и в Украине такой запрет отсутствует: конституционные нормы запрещают лишь установление обязательной идеологии. В связи с этим представляет интерес вопрос о целесообразности юридического запрета на существование государственной идеологии.

Общеизвестно, что любое государство в интересах эффективного функционирования нуждается в идейном обеспечении своей деятельности. Так, практически все рассматриваемые конституции признают факт наличия общечеловеческих ценностей. Но идеология, рассматривающая человека и его права в качестве высшей ценности общества и государства, является тоже идеологией. А значит, признание идеологии прав человека является требованием, которое должно предъявляться к государству, его органам и к государственным служащим. По мнению В.А. Четвернина, например, запрет установления государственной идеологии, предусмотренный российской конституцией, является абсолютным лишь для регулирования отношений гражданского общества, но отнюдь не является таковым для государственной службы [4, с. 69]. Выбор государством той или иной идеологии (всегда де-факто имеющий место) не означает в демократическом правовом государстве ее обязательности для всех и каждого, ее юридического верховенства над другими идеологиями. Распространение государственной идеологии в таком случае должно осуществляться путем осознанного и добровольного ее восприятия субъектами гражданского общества в условиях свободной конкуренции идей. Следовательно, смысловым ядром рассматриваемого принципа является не столько запрет на установление государственной идеологии, сколько исключение закрепления в законодательстве демократического государства именно **обязательной** для граждан и гражданского общества идеологии. С другой стороны, в условиях свободной политической конкуренции может утвердиться фактическая монополия идеологии одного из победивших субъектов. Но такой монополизм будет уже противоречить принципу идеологического плюрализма. Поэтому, принимая во внимание исторический опыт и политические реалии на постсоветском пространстве, трудно сделать однозначный вывод о чрезмерности включения в число конституционных норм запрета на установление государственной идеологии.

Формулируя запрет на установление обязательной или государственной идеологии, конституции Беларуси и Таджикистана говорят об

идеологии политических партий, религиозных или иных общественных объединений и социальных групп. На наш взгляд, такое уточнение сужает круг потенциальных объектов, охватываемых принципом идеологического плюрализма. Из формулировки статьи 4 Конституции Республики Беларусь, как справедливо замечает И.И. Пляхимович, не ясно, запрещено ли установление идеологии, отражающей ценности всего общества, в качестве обязательной [5, с. 122]. Более того, она не содержит ясного запрета на установление в качестве обязательной идеологии государства (или даже того или иного его представителя), что уже очевидно противоречило бы принципу идеологического многообразия. Более адекватной данному принципу представляется, поэтому, формулировка, использованная в статье 15 Конституции Украины: «Никакая идеология не может признаваться государством как обязательная».

Итак, в справедливости и целесообразности недопущения господства одной, в особенности антидемократической, идеологии убеждает опыт государств, где такое господство имело место. Принцип идеологического плюрализма представляется специфической особенностью конституций тех обществ, которые стремятся преодолеть наследие тоталитаризма и авторитаризма. Все без исключения государства, образующие постсоветское пространство, гарантировали своим гражданам свободу взглядов, совести и выражения своих убеждений. Большинство из них (восемь из 11 государств СНГ) возводят принцип идеологического плюрализма в ранг основ конституционного строя. Нормы конституций этих государств закрепляют субъективные права, через которые реализуется идеологическое многообразие, некоторые юридические гарантии, а также пределы его реализации. Смысловым ядром принципа является исключение закрепления в законодательстве демократического государства обязательной для граждан и гражданского общества идеологии.

Список литературы

1. Новые конституции стран СНГ и Балтии. Вып. 2. М.: Манускрипт, Юрайт, 1998. 672 с.; Конституции государств Европы. В 3 т. М.: Норма, 2001.
2. Конституция (Основной Закон) Белорусской Советской Социалистической Республики. Мн.: Беларусь, 1978. 63 с.
3. Права человека: Сб. междунар.-правовых док. / Сост. В.В. Щербов. Мн.: Белфранс, 1999. 1146 с.
4. Конституция Российской Федерации: Проблемный комментарий / Отв. ред. В.А. Четвернин. М., 1997. 702 с.
5. Пляхимович И.И. Основы конституционного строя: Теория института. Мн.: Право и экономика, 2008. 160 с.

**CONSTITUTIONAL ENTRENCHMENT OF IDEOLOGICAL PLURALISM
IN THE POST-SOVIET SPACE**

I.V. Nemkevich

Eight of the eleven CIS countries have included the principle of ideological pluralism among the fundamentals of their constitutional order. This principle is a particular feature of the constitutions in the states undergoing democratic transformation. It rules out compulsory (state) ideology in the legislation of a democratic state.

Keywords: constitution, ideological pluralism (diversity), ideology, freedom of thought, freedom of speech, legal guarantees, constitutional restrictions, constitutional entrenchment.